

НЕ НАЧАЛО

Город Золотой был как обломок крушения, на котором выжившие устроили недельную вечеринку с плясками и запоем.

Это царство абсурда: здесь темно и одновременно ярко, пустынно и многолюдно. Взгляд мечется между еще не достроенными и/или уже разрушенными конструкциями, разрисованными граффити, утыканными факелами тики и светящимися диодными палками, облепленными плакатами и обмотанными нитями разноцветных флажков. Майя знает, что весь Город занимает какую-то четверть гектара, но, едва войдя на территорию, убеждается, что это вранье и неправда. Он бесконечный. Ненормальный и бесконечный.

Перед входом пришлось еще постоять, пока ее снимали со всех ракурсов, поставить штук двадцать галочек об отказе от ответственности и выслушать долгую тираду разочаровавшейся в ней Оксаны.

И вот Майя осторожно шагает по многолетнему растресканному асфальту — свеженькие алюминиевые банки, интегральные микросхемы, окурки, куски бетона с задранными к небу прутами-арматуринами,

какие-то яркие тряпки, провод, стекло, силиконовые контейнеры, чья-то пластиковая туфля на высоченном прозрачном каблуке. Растяжение фасции, вывих лодыжки, падение, удар затылком об асфальт, смерть.

Ох. Давайте вот сейчас без этого, а?

Народу вокруг как на восточном базаре. В северной части молла есть один, хотя Майя его не посещает — она не большой любитель ни народа, ни грубой еды с приправами. Тамошний народ благодушный и деловитый. Здешний... Ну, она даже не знает, с чего и начать.

Ей навстречу валят люди в странной одежде, и люди в очень странной одежде, и люди в чем-то едва похожем на одежду, и люди без одежды практически вообще. Некоторые по двое — по трое просто со счастливым видом бегают вприпрыжку туда-сюда: как правило, «полетай» в первые час-два после употребления оказывает именно такой эффект. Другие стоят у полуобвалившихся стен, в уютных закутках, где всю долбит музыка, попивают прохладительные напитки и беседуют, либо сидят на ограждениях, на странных предметах или на земле. В окнах немногочисленных зданий, которые еще похожи на здания, горит свет. Какой-то тип лежит бревном посреди дороги, прямо на асфальте, и с меланхоличным видом наигрывает что-то на микросинте — звуки, естественно, тонут в других звуках. Две девчонки с густым размазанным макияжем в купальных костюмах из полипены (им не холодно), визжа, брызгают друг на друга голубым изотоником из бутылок с носиком-соской.

— Добро пожаловать во Фриктаун! Смелые желания, горячие сердца, сладкие тела! Добро пожаловать во Фриктаун!

Нервно дернувшись, Майя минует человека со спикерфоном, стоящего на обклеенной бумажными журавликами-оригами старой стиральной машине. Человек облачен во что-то типа плаща в пол, сделанного из траурного кружева узорно разрезанных мусорных мешков. Сверху полиэтиленовый плащ побрызгали из баллончика фосфоресцирующими блестками для детских праздников, и в наступающих сумерках переминающийся с ноги на ногу тип со спикерфоном напоминает рой светлячков.

Однако сумерки. Не пошевеливаться ли ей?

Из всего, что Майя слышала (ох уж эти сплетни на работе), следует, что ей нужно внутрь одного из зданий. Она напряженно крутит головой. Постройки... Напоминают дома из ее детства. Только в детстве дома были целые, конечно. А еще здесь заметно выше этажи, выше окна.

В действительности на территории Города Золотого — он же Фриктаун — до сих пор остаются стоять примерно пять домов, изогнутых буквами «Г» и «П», с подворотнями и внутренними дворами, а также роскошными, щедрыми на яркие впечатления подвалами. Раньше вроде была еще церковка не то часовенка, но сперва художники-метавангардисты с помощью полипены и листового железа превратили ее в концептуальный макет космического корабля, а потом конструкцию отжал под сотовую вышку мобильный оператор. На нижнем этаже, насколько известно Майе, до сих пор подают пышки и глентвейн.

Ни то ни другое ее не интересует, так что она спешит мимо развеселой толпы, мимо звуков и запахов, чуть дальше, туда, где уже мало что светится. Проходит

в подворотню, минует гулко блюющего подростка, умиряет идиотский позыв «сделать с этим что-нибудь». Заворачивает за угол. Здесь уже темнее. Здесь уже торчат какие-то кусты. Угрожающего вида кусты.

Отлично.

Слух подстраивается, вновь поднимая чувствительность после той карусели с енотами на входе. Майя осторожно, по-цаплиному вышагивает, продвигаясь к ближайшей двери в стене. Дверь заглублена: она — подвальная дверь. Прямо то, что нужно.

Майя слышала, что приходиться надо ранним вечером. Фриктаун — нестабильная формация: не всякий час суток он одинаков. Когда станет темнее, шумно и ярко будет на всей территории: сюда завалятся стражущие со всего молла. Тайные местечки и темные уголки исчезнут, начнется разгул с психоактивными вкушняшками, который угаснет сам собой наутро, и днем Город Золотой опустеет и будет дремотно приходиться в себя. А когда опять настанут сумерки — вот как сейчас, — у некоторых законо-не-очень-послушных граждан появится шанс обтяпать свои гнусные делишки. Надо только не светиться. И не напортачить.

Чтобы не светиться, Майя подбирается ближе к стене и крадется вдоль нее.

Со стороны дверей раздастся слабый шорох.

Майя дергается и замирает. Спустя несколько секунд вспоминает, чему ее учили, и мечется от стены к ближайшему чахламу деревцу. Она же не из антитеррора. Она вообще очень мирная. Ей всего-то и надо...

В тускло подсвеченном и, конечно, лишенном стекла оконном проеме первого этажа мелькает черная тень.

У Майи подскакивает пульс. *Защищай центральную линию.*

Что???

Блин, ну вот с чего она так переполошилась? Расслабься, подруга. Глубокое дыхание...

Страшно торопясь и оттого не попадая, она вслепую сует руку в карман — ну не кретинизм ли, носить такое в кармане, но больше ей просто ничего не пришло в голову, — и достает оружие как раз в тот миг, когда...

Ворона тяжело опускается на бетонное ребро бывшего подоконника, отчаянно хлопая крыльями. Ей трудно держать равновесие: мешает длиннущий рыбий скелет с остатками головы, свисающий из клюва. Опустив скелет на то, что в лучшем мире нарастило бы на себе оконную раму, птица прижимает рыбью голову лапой и смотрит прямо на Майю, ясно давая понять, что ее нелепая попытка спрятаться за саженцем липки толщиной с флейту-пикколо отдает дилетантством и неуважением.

Майя шумно выдыхает и опускает руку с зигзауэром.

Тут же накатывает гнев, и она, забыв об осторожности, шипит: «Пшла вон!» и машет свободной рукой. «Да-да, конечно, сейчас», — громко думает в ее адрес ворона, пару раз тюкает клювом по своей добыче, снова подхватывает, берет курс на С-С-З и удаляется на бреющем.

На секунду Майя закрывает ладонью глаза. Прислоняется лбом к изящному гладкому стволу. Вытирает лицо, кое-как запихивает пистолет обратно в карман, встряхивается. Сумерки вокруг сгущаются, из-за дома доносятся приглушенные удары басов и взрывы визливого хохота.

Она вообще — очень мирная. Совсем пацифист. Ей всего-то лишь надо — удалить кое-кого.

Ну кто бы мог подумать, что это так сложно.

О Фриктауне ходят легенды — если кому интересно послушать, конечно. Начать с того, что он бельмом на глазу торчит прямо в сердце молла. Это невероятно. Необъяснимо. Почему-то, разрастаясь, гигантская амеба молла, точно разумный кисель, обтекла этот клочок территории, превратив его в анклав аналоговой анархии посреди цифрового порядка. И сейчас периметр Фриктауна окружает глухая светло-серая стена из полиметалла — за ней «нормальный» молл, — а над ним в чистом небе переброшено несколько проводов, но и только: будто Город — просто один из внутренних парков или скверов. Почему-то здесь то, что осталось от оригинальной застройки периода до дня «К», не снесли, а оставили торчать бревном в глазу спутника, покрываться слоями плесени, граффити, пролитых напитков и испражнений. Почему-то облагораживание этого маленького островка вседозволенности закончилось на мощной системе контроля входа-выхода (ДНК-проба, сканирование сетчатки, трехмерная запись и моделирование).

И конечно, главное. Почему-то в Городе Золотом нет покрытия.

Это дикость. Многие в это не верят. Но как раз Майя-то точно знает: его нет.

Соответственно, если тебе край как приспичило заняться чем-то сомнительным, ты либо едешь к черту на кулички — за несколько километров от молла, в старые районы, — либо идешь сюда.

Майя что-то слышит и резко поворачивается. Другая ворона?

Нет. Птица не может так шебуршать.

Звук доносится как будто из подвала. Майя глупо застревает посреди дороги, а потом, опомнившись, крадется к двери.

Если тебе приспичило заняться чем-то сомнительным — добро пожаловать в Город Золотой. Никакого покрытия, никаких полли. Во Фриктауне каждый — сам за себя.

Подозрительными внезапно начинают казаться все перебитые окна первого этажа, и окна второго тоже, а еще кустики за спиной. Подобравшись к подвальной двери, Майя колеблется. То есть разрабатывает стратегию. Сейчас она осторожно потянет за ручку, и...

Снова звук. Ветер в окнах? Чушь, ветра вообще никакого нет. Из-за стресса Майя бессознательно переходит на обратное даосское дыхание.

Если дверь закрыта, она попытается развернуться и толкнуть спиной. Если не получится — придется лезть в окно. С пистолетом в одной руке она сумеет...

В этот момент Майя чувствует толчок в плечо сзади.

Она подпрыгивает на месте и оборачивается, забыв прицелиться — рука с пистолетом свободно болтается вдоль тела. Два тебе, Майя. Кол тебе.

Разглядев стоящего за спиной человека, про даосское дыхание она забывает раз и навсегда.

* * *

Распахнув глаза, Марк рывком вдохнул, напрягая гортань, и сел в ванне. Потряс головой. Принялся

отлеплять от кожи те проводки, что не отклеились сами. Еще один повод не любить гипно: гель-проводник и усики из биоматериала, которые прилепляются к активным точкам на теле — на всем теле, следует подчеркнуть. Комнатная температура, вязкое сопротивление, ласковые касания усиков-щупалец. Антураж такой, словно над тобой вот-вот проведут редкостно мерзкую медицинскую процедуру. Собственно, первоначальная модификация для того и разрабатывалась.

Увы, и те, кто не любит гипнованны, все равно ими пользуются. Те, для кого это хлеб — как для Марка. И еще другие — особые и исключительные гости, каждый из которых готов обеспечить заведению кассу целого вечера в обмен на сомнительное удовольствие потыкаться носом в закрытую дверь инфокосмоса. Говорят, у некоторых даже получается приоткрыть в ней щелочку.

— Как успехи, брат?

Черт бы побрал здешние порядки, которые исключают возможность запереться изнутри. Способность ориентироваться в реальности даже к опытному ретриверу возвращается не мигом, а с идиотами приходится общаться тут же.

— Как и всегда.— Марк оборвал последний усик с меридиана печени и протянул руку за рулоном бумажных полотенец.

— Ничего нового под солнцем, да?

Следом за говорящей головой, просунутой в дверь, в комнатку вошел и вальяжно присел на край ванны сам Керамбит. Неглектик, слегка психопат и безраздельный владелец заведения.

Как ни удивительно, сам Керамбит ретривером не был и ванну в тайной комнате «Семи на полу» держал

почти исключительно для внутреннего пользования — для коллег Марка по цеху и редких инфотуристов, любителей получать те впечатления, что подороже. Имелось мнение, что Керамбит — тупой и агрессивный истерик, на всю голову ушибленный верой, нестабильный и непредсказуемый. Марк был не согласен. Марк считал, что занять и удержать бар в «Кукурузе» может только человек весьма деловитый и смекалистый, пусть даже и вправду религиозный маньяк. То есть все вышеперечисленное — да, «тупой» — нет.

— Ничего нового вообще нет и быть не может, — согласился Марк, беря с вешалки аккуратно расправленную рубашку в огромных белых гибискусах. — Только неизвестное.

Керамбит ухмыльнулся. Наперекор моде, здравому смыслу и эстетическому чувству Марка он отпустил мелко выющиеся черные волосы почти до плеч, которые зачесывал назад и обильно сдабривал гелем. В сочетании с коричневатой кожей, тонкими усиками и сверхтолстой и сверхпошлой золотой цепью на шее смотрелось это грустненько.

— И тем не менее вы, братья мои, продолжаете бездумно совать свой нос в иные сферы. А разве ж мы, люди, для такого предназначены? — Керамбит с напускной печалью покачал головой, глядя на тазик, оставленный рядом с ванной для неопытных гипнонавтов. — Разве сама природа не говорит вам, что лучше было бы всякому сверчку знать свой шесток?

Марк подавил вздох, дрыгая ногой в брючине. Неглектики исповедовали полный отказ от сознательного стремления к познанию. Как и от направленного движения к научному, техническому и любому иному

прогрессу. Согласно их вере, человек имел право воспользоваться лишь тем знанием, которое само его нашло неким туманным естественным — «экологичным» — образом. Любое другое могло оказаться человечеству не по возрасту и привести к краху цивилизации. Как Керамбит умудрялся истово верить в подобное и одновременно предоставлять желающим гипнованну — за хорошие деньги — оставалось загадкой. И даже спрашивать не хотелось, ибо дискутировать с Керамбитом по вопросам веры — безумие.

Но какого хрена — Марку, что ли, хоть раз тазик понадобился?

— А тебя, брат Керамбит, не смущает, что шесток горит у нас под лапками? — Марк затянул ремешок прекрасных «Секонда» в золотом корпусе с рисунком циферблата под шкуру броненосца.

— Именно, брат Марк, именно! — воодушевился Керамбит, ощериваясь. — Мир наш катится в преисподнюю, и кто тому виной?

На мгновение Марк застрял, соображая, что не так. А, вот: внизу одна свободная петля. Блин, все пуговицы теперь перестегивать. Он с досадой поднял глаза на Керамбита:

— И кто тому виной?

Владелец бара развел руками:

— Вот те раз. Конечно же, никто и не догадывается, никто не при делах, знать не знаю, ведать не ведаю. Заговор молчания, епта. — Он подался вперед и нацелил на Марка внушительный взгляд исподлобья. — А кто поведал нам о том, что шесток в огне, а?

Марк перестегнулся, затолкал рубашку в брюки, резким движением выправил воротник — и только тогда осмыслил обвинение:

— Так, по-твоему, палы виноваты, что ли?

— А по-твоему, типа, нет? — передразнил его Керамбит.— Кто сказал, что нам угрожает гибель? Кто насильно скормил информацию, для которой мы не дозрели?

— Ну...— Марк стряхнул невидимые ворсинки с брусничного блейзера с замшевыми вставками и внимательнейшим образом проинспектировал янтарно-коричневые крокодиловые ботинки на предмет новых царапин.— Сейчас не дозрели, а потом могли бы и опоздать, да?

— Не-е-ет, все не так. На этот поезд не опаздывают.— Керамбит со снисходительным миссионерским видом покачал головой.— Ты ведь не станешь младенца потчевать свиной рулькой, а? Человек либо может переварить пищу, либо нет, и если нет, то глупо пытаться ее пожрать. Неадекватные реакции, брат, неадекватные. В черепных коробках нейронные сети не справляются. Посмотри вокруг. Все наше общество — сплошь погробучие неадекватные реакции: люди мечутся, силясь обрести спасение там, где нет его и не будет, а ведь всего этого можно было бы избежать.

Марк уже десять раз пожалел, что затеял этот разговор. Он присел на кушетку и занялся ботинками:

— Слушай, не они ведь так все устроили. Они просто рассказали как есть. А ты винишь гонца. Метил бы уж тогда повыше.

Керамбит с задумчивым видом покивал и легко соскочил с края ванны:

— К тому, кто повыше, у меня есть претензии, да. Но ты ведь не понимаешь главного, брат Марк,— и это